

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ: ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, СУДЬБА И САМОУБИЙСТВО

Сиверцев Евгений Юрьевич

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
Emden1914@mail.ru

ANCIENT GREECE: MAN, SOCIETY, FATE, AND SUICIDE

E. Sivertsev

Summary: The article deals with one of the aspects of understanding suicide in ancient culture. Factors that could justify suicide and factors that could prevent suicide are considered. The main attention is focused on the correlation of social debt and individual interests of a particular person. It is shown that the mechanism of suicide prevention, triggered by social necessity, is less reliable protection against suicidal intentions than the idea of the uniqueness of the individual, which the ancient culture does not yet have in due measure.

Keywords: suicide, personality, justification of suicide, condemnation of suicide, autoaggressive behavior, policy, fate, duty.

Аннотация: В статье рассмотрен один из аспектов понимания суицида в античной культуре. Рассматриваются факторы, которые могли оправдать суицид и факторы, которые могли удержать от суицида. Основное внимание сосредоточено на соотношении социального долга и индивидуальных интересов конкретного человека. Показывается, что механизм предотвращения суицида, запускаемый общественной необходимостью, является менее надёжной защитой от суицидальных намерений, нежели представления об уникальности личности, которыми античная культура пока не обладает в должной мере.

Ключевые слова: суицид, личность, оправдание самоубийства, осуждение самоубийства, аутоагрессивное поведение, полис, судьба, долг.

Самоубийство – с точки зрения современного европейского менталитета – одна из величайших трагедий, какие только могут постигнуть человека. По степени драматичности самоубийство стоит в одном ряду с несчастным случаем, гибелью в результате преступления или смертью в молодом возрасте от неизлечимой болезни.

Почему современный европейский мир негативно относится к самоубийству? Одна из главных причин – доминирующая трактовка этого шага. Смерть человека – это гибель целой Вселенной! Самая большая трагедия, какую только можно вообразить. Тем более трагично самоубийство: самоубийца эту Вселенную уничтожает сам, уничтожает путём добровольных действий.

Есть ли причины, по которым можно *оправдать* самоубийство психически здорового человека? С точки зрения современного европейского менталитета – есть. Но их очень мало. Смертельная неизлечимая болезнь, опасность попасть в плен к незаконным (или нецивилизованным) вооружённым формированиям – вот, собственно, и всё. Есть ли причины, по которым можно осудить самоубийство (или рационально обосновать отказ от него)? Тоже есть. И список этот практически исчерпаем.

Мы видим, что список причин, оправдывающих самоубийство, весьма короток, противоположный список – весьма обширен. Но это сейчас. Чтобы европейское человечество пришло к такому соотношению, оно должно было пережить и осмыслить определённые мотивы как

оправдания самоубийства, так и *осуждения* его. Пережить, осмыслить и понять, что оправданий самоубийству практически нет, а причин отказаться от этого шага – более чем достаточно. Начало такому пониманию закладывает Древняя Греция. В Элладе классических времён (полисный период - XI – IV вв. до н.э.) добровольный уход из жизни не то, чтобы вполне допускается – скорее даже осуждается, однако, список *оправдывающих* факторов несколько превышает современный европейский. В то же время список причин *осуждения* самоубийства не очень велик, а его пункты разнообразием не отличаются.

Чтобы разобраться в мотивах осуждения самоубийства, выделим четыре комплекса проблем. Первый комплекс – понимание личности, второй комплекс – существование человека после физической кончины его тела, третий комплекс – соотношение человека и государства и четвёртый комплекс – непосредственная рефлексия самоубийства. По первому впечатлению, эти комплексы никак не связаны. Однако, на самом деле именно рефлексия самоубийства оказывается звеном, связующем воедино тему человека, загробной жизни и общественного долга.

Начнём с первого комплекса – с личности. Поиск определения этой категории ни к чему не приводит: категория «личность» в современном её понимании отсутствует. Она отсутствует даже на словесном уровне: греки используют слова «человек», «душа», «тело» – но никогда мы не найдём слова, которое можно было бы перевести на сегодняшний язык именно как личность и чтобы

оно содержало все более или менее привычные нам оттенки значения: «В древнегреческом языке нет эквивалента современных понятий «воля» или «личность» как индивидуального и целостного субъекта деятельности» [6, с.147]. Древний грек не ощущает себя существом, свободно генерирующим собственное миропонимание, а также свободно говорящим и действующим. Ощущает он себя скорее восприимчиком и преобразователем императивных потоков и побудительных мотивов, не им порождённых, но сквозь него проходящих. Причём восприимчиком в гораздо большей степени, нежели преобразователем: «древнегреческая судьба мыслится как слепая, тёмная. Судьба («мойра», ...) действует не только извне; она присутствует и в самом человеке как его «даймон», двойник, от которого индивид не может избавиться» [6, с.149]. Ценность человека определяется исключительно ценностью его деяний для общества: «... для античности характерно, что ценность и достоинство человека определялись исключительно его принадлежностью к государству, вне ... Афин или Спарты личность теряла своё значение. В античную эпоху зарождается понятие гражданского достоинства, которое преимущественно не связывается с индивидуальной самобытностью человека» [3, с.46]

Загробная судьба человека во многом зависит от того, насколько он был внимателен, воспринимая и преобразуя императивные потоки. И здесь мы переходим ко второму комплексу проблем – существование человека после физической кончины тела. Что же всё-таки его ждёт? Если обратиться к древним поэтам, то их мнение довольно расплывчато. С точки зрения Гомера, человек после смерти существует в Аиде в виде бесплотного призрака, причём лишённого сознания и памяти. [См.: 5, с.36]. Относительно подробное описание Аида («Гадеса») мы можем встретить у Гесиода. Ландшафт этого места довольно мрачен, населён же Гадес весьма несимпатичными существами: Орфсобака, Цербер, Лернейская Гидра, Немейский лев и другие. [См.: 4, с.200-201.] Более конкретен Платон. Его учение о посмертном существовании можно условно разделить на три пункта. Первый – рациональное доказательство бесконечного существования человеческой ментальности («души»). Второй пункт – описание возможных перспектив существования души после её расставания с телом. И третий пункт – рекомендации, следуя которым, душа обеспечит себе наиболее комфортные условия.

Рациональные доказательства бессмертия души содержатся в разных частях его сочинений, но к систематическому изложению они сведены в диалоге «Федон». Всего их четыре, общая идея такова (цитируем по «Апологии Сократа»): смерть – «это какая-то перемена для души, ее переселение из здешних мест в другое место» [8, с.95].

Для описания возможных перспектив посмертного существования обычно используется повествование Эра, приводимое в десятой книге диалога «Государство». По словам Эра, «его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе со многими другими, и все они пришли к какому-то божественному месту, где в земле были две расселины, одна подле другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Посреди между ними восседали судьи. После вынесения приговора они приказывали справедливым людям идти по дороге направо, вверх по небу, и привешивали им спереди знак приговора, а несправедливым — идти по дороге налево, вниз, причем и эти имели — позади — обозначение всех своих проступков» [10, с.413-414]. Также можно добавить и некоторые места из «Тимея». Те души, которые прожили свой век надлежащим образом (каким – не уточняется), после физической кончины возвращаются «в обитель соимённой звезды» [10, с.445]. Те, кто существовал на земле не слишком достойно, обретают «такую животную природу, которая будет соответствовать его порочному складу» [10, с.445]. Люди незлобивые, но легкомысленные, склонные «умствовать о том, что находится над землёй» становятся птицами, глупцы превращаются в сухопутных животных, «самые скудные неучи» превращаются в животных водяных. [10, с.498 – 499]

Что касается рекомендаций, то они, по сути, сводятся к одной: чтобы после физической кончины попасть в те места, где пребывают «... души, которые провели свою жизнь в чистоте и воздержанности» [9, с.69] нужно сохранять в себе четыре добродетели: мудрость, мужество, *σωφροσύνη* и справедливость.

Под «мудростью» понимается полнота знаний, совершенство ума. Иными словами – знание подлинного мира, мира совершенных сущностей.

Мужество и «*σωφροσύνη*» рассматриваются Платоном в двух ранних диалогах: «Лакет» и «Хармид». Схема анализа примерна одинаковая. Идёт диалог, в развитии которого собеседники Сократа предлагают разные варианты определения обсуждаемой категории. Сократ при этом всё убедительно раскритиковывает и в итоге никакого приемлемого определения не получается. Однако – как считают многие исследователи творчества Платона – нельзя считать, что результат чисто негативный. Все предлагаемые варианты надо рассмотреть совместно: «все они необходимы, все они действительно способствуют получению подлинного определения, но все они односторонни. Определяемое выше всех этих отдельных определений...» [7, с.21]

К предлагаемому совместному рассмотрению следует прибавить ещё и мысли, развиваемые в поздних диалогах Платона. И тогда можно делать определённые предположения. Под мужеством следует понимать

стойкость в следовании нравственному закону, а также (если говорить современным языком) подчинение собственных интересов интересам общества и государства. Σωφροσύνη – наука о науке, наука о благе и зле, а также способность к рассудительности и здравому смыслу.

Справедливость является добродетелью, которая, в некоторой степени объединяет, поддерживает и поясняет предыдущие три. Ключевое слово в определении справедливости – соответствие.

Справедливый человек «прилаживает друг к другу три начала своей души» он «связует вместе и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности».[10, с.218-219]. Тремя началами души являются разумное начало, яростное начало и начало страстное. Если предположить, что разумному началу души соответствуют такие добродетели, как мудрость и σωφροσύνη, а мужество в определённой мере распространяется на ярость и страсть, то получается, что справедливость есть способность правильно соотносить иррациональные, идущие от «дионисийского начала» желания и рациональные, «аполлонические» программы действия.

Сам собой возникает вопрос: что значит «правильно соотносить»? Что вообще есть правильное? В самом общем плане – соответствие своей природе. Конкретнее – единение собственных желаний и побуждений с одной стороны и интересов общества – с другой: «Справедливый человек несколько не будет отличаться от справедливого государства по самой идее своей справедливости, но, напротив, будет с ним схож» [10, с.207]. Т.е. ключевым словом, раскрывающим понятие «справедливость» будет слово *синтез*. Синтез трёх начал человеческой души и возникающий на его основе синтез индивидуально-человеческого и государственного.

Таким образом мы вернулись к тому, с чего начали наш разговор о Древней Греции – к отсутствию чёткого понимания личностного начала и растворению человека в интересах социума. Такое понимание сказывается и на понимании суицида.

Очевидно, можно вести речь о двух типах суицида – аутоагрессивное поведение и собственно сознательное добровольное самоубийство. Аутоагрессивное поведение – сознательное подвержение своей жизни смертельной опасности. Где грек может подвергнуться смертельной опасности? Разумеется, на войне. Война – это всегда выполнение долга перед социумом и самый достойный способ добровольного подчинения высшей необходимости. С.С. Аверинцев пишет по этому поводу следующее: «... гибель героя без остатка входит в баланс его победной судьбы, и поэтому о погибших героях не следует всерьёз жалеть» [1, с. 68].

Аутоагрессивное поведение воина принимается довольно благосклонно, при этом чёткой грани между аутоагрессивным поведением и самоубийством, совершённым – по видимости – ради интересов общества, не проводится. А вот добровольный уход из жизни при вполне мирных обстоятельствах, да ещё и осуществлённый собственным деянием, отнюдь не приветствуется. Аристотель в «Никомаховой этике» утверждает, что, убивая себя, человек преступает закон и поэтому виновен перед собой как афинский гражданин и перед государством, оскверненным пролитой кровью [2, с.11]. Мы видим, что самоубийство осуждается не потому, что это страшная трагедия для человека, для его близких. Самоубийство – это пренебрежение общественным долгом, это произведённое по доброй воле прерывание социально-необходимых процессов, осуществлённое в одном конкретном месте и в определённый момент времени.

Возвращаемся к вопросу, поставленному в начале: по каким причинам самоубийство древними греками осуждается и какие факторы его оправдывают? Причина осуждения, в общем, одна: самоубийца выводит тело и душу из процессов, в которых осуществляется необходимость. Необходимость космическая (Логос), необходимость социальная (полис) и необходимость частная (рок, судьба).

Какие факторы *оправдывают* самоубийство?

Первый фактор – это, скорее, даже не оправдание а некое средство снятия страха перед смертью и – следовательно – перед самоубийством: совершение самоубийства в полном объёме невозможно. Человек властен только над телом, душа же его ему не подвластна. Тело можно умертвить, но душа продолжит существование.

Второй фактор: отсутствие понимания того, что совершается именно *самоубийство*. Чтобы *самоубийство* состоялось, человек должен уничтожить свою *личность* – ну а личность как таковая в мысли древних греков просто отсутствует.

Гражданин античного полиса не боится умереть – чего бояться, если душа бессмертна? Гражданин античного полиса не спешит умирать – никакой точной информации о посмертной судьбе души у живущего нет, соответственно, можно *там* ожидать и массу неприятностей. Гражданин античного полиса не должен умирать раньше времени, предусмотренного судьбой – он обязан выполнить всё, предназначенное ему обществом и богами.

Дальнейшее развитие европейской мысли будет изменять вектор осознания человеком жизни, долга и места в социуме. Жизнь начнёт осознаваться как *своя*, долг

начнёт осознаваться как *свой*, а место в социуме начнёт осознаваться тоже как *своё*. Всё это произойдёт благодаря формированию такой категории, как личность. Личность (вернее, понимание себя как личность) позволит

увидеть факторы, оправдывавшие самоубийство совсем в ином свете: убивая тело, убиваешь и душу, а убивая душу, убиваешь целый мир, сосредоточенный в своей личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. 352 с.
2. Аристотель Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т.4. 830 с.
3. Власова О.В. Формирование представлений о чести и достоинстве личности в истории развития общества: эволюционно-правовое измерение // Вестник ПАГС 2011. №3 (28). С.44 – 50.
4. Гесиод О происхождении богов. М.: Советская Россия, 1990. 320 с.
5. Гомер Одиссея. М.: Детская литература, 1987. 336с.
6. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367с.
7. Лосев А.Ф. Ранние диалоги Платона и сочинения платоновской школы. Вводная статья // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С.3-65
8. Платон Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1990. Т.1. 860 с.
9. Платон Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1990. Т.2. 528 с.
10. Платон Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1994. Т.3. 654 с.

© Сиверцев Евгений Юрьевич (Emden1914@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

